

Протоиерей о. Георгий Бирюков

Свято-Духов приход, г. Нестеров

ДЕЙСТВИЯ 4-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГУМБИННЕНСКОМ СРАЖЕНИИ 20 АВГУСТА 1914 Г.

***Аннотация:** В статье подробно анализируются действия 4-го армейского корпуса во время Гумбинненского сражения, который находился на левом фланге 1-й русской армии. Особое внимание уделено деятельности командира корпуса генерала Алиева, а также подчиненных ему частей и подразделений.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Восточная Пруссия, Гумбинненское сражение, захоронения Первой мировой войны*

4-й армейский корпус — общевойсковое соединение Российской императорской армии. В состав корпуса к августу 1914 г. входили 30-я и 40-я пехотные дивизии, 4-й mortarно-артиллерийский дивизион, 2-й саперный батальон и 3-й обозный батальон¹.

С февраля 1914 г. 4-м корпусом командовал генерал-лейтенант Эрис Хан Султан Гирей Алиев. Сей уроженец Кавказа получил хорошее военное образование и до Русско-японской войны включительно служил артиллеристом. В феврале 1905 г. во время Мукденского сражения был начальником артиллерии отряда генерал-лейтенанта фон Ренненкампа. Личная храбрость, проявленная в боях, была замечена, что резко ускорило военную карьеру. Уже в мае 1906 г. Алиев стал начальником стрелковой дивизии, а в августе 1908 г. — командиром 2-го Сибирского корпуса. В феврале 1914 г. был переведен на должность командира 4-го армейского корпуса, входившего в состав Виленского военного округа. Видимо, переводу способствовал командующий войсками округа генерал-адъютант фон Ренненкампф. К началу Первой мировой войны Алиеву было 59 лет. В таком возрасте личную храбрость на передовой проявлять было поздно. От командира корпуса требовались иные качества: оперативное мышление, способность управлять в бою крупным военным соединением.

30-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Колянковский. До Русско-японской войны он был военным инженером,

но в июне-августе 1905 года временно командовал пехотной бригадой. Активные боевые действия в то время уже не велись. В 1906 г. был назначен командовать бригадой 17-й пехотной дивизии. С февраля 1914 г. — начальник 30-й пехотной дивизии. Отметим, что Колянковский реально был военным инженером (боевой опыт Русско-турецкой и Русско-японской войн имел соответствующий), пехотной бригадой командовал в мирное время, а дивизию получил за полгода до начала Мировой войны.

После объявления мобилизации дивизии 4-го армейского корпуса стали пополняться до штатов военного времени и перебрасываться к границе с Германией. Корпус вошёл в состав 1-й русской армии, созданной на основе Виленского военного округа. Командующим 1-й армией стал бывший командующий Виленским военным округом генерал-адъютант фон Ренненкампф.

В первом походе в Восточную Пруссию 4-й армейский корпус находился на левом фланге армии Ренненкампфа. При вступлении в пределы Восточной Пруссии, которое началось 17 августа², он встретил на своём пути природное препятствие — Виштынецкое озеро и Роминтенскую пушу. По этой причине силы корпуса были разделены Алиевым на три группы. 30-я дивизия пошла южнее пуши, 40-я дивизия — севернее пуши. 160-й полк с одной батареей был отделен от своей 40-й дивизии и направлен лесными дорогами через пушу. Вечером 19 августа 160-й полк вышел на западную опушку этого лесного массива и заночевал в районе деревни Роминте (Краснолесье Нестеровского района). 30-я пехотная дивизия, наступавшая южнее Роминтенской пуши, ещё утром 19 августа заняла Гольдап, где провела весь день и расположилась на ночь, выставив боевое охранение. Алиев со своим штабом также расположился в городе Гольдапе во вполне комфортных условиях. 40-я дивизия (без 160-го полка) несколько оторвалась от корпуса и после Шталлупененского боя по приказу штаба армии держалась ближе к 27-й дивизии 3-го армейского корпуса.

Южнее 4-го армейского корпуса расположилась группа генерала Гурко: 5-я стр. бригада (генерал Шрейдер) и 1-я кавалерийская дивизия. Отметим, что генералы Гурко и Алиев друг другу не подчинялись и выполняли различные задачи. Севернее находился 3-й армейский корпус, связь с которым отсутствовала. В сложном положении оказался 160-й пехотный полк. Его командир мог приблизительно предполагать, где находится его дивизия, но связи с ней не имел. При этом его ни-

кто не освобождал от подчинения начальнику 40-й дивизии генералу Короткевичу, но реально он мог получить приказание только непосредственно из штаба 4-го армейского корпуса, находящегося в Гольдапе. Разведка корпусом не велась.

Ночь с 19 на 20 августа прошла спокойно. В штабе корпуса были получены известия о неудачном бое 19 августа на участке 28-й пехотной дивизии. Утром 20 августа генерал Алиев, не имея никаких конкретных распоряжений из штаба армии и руководствуясь имевшимися в штабе корпуса данными о положении на фронте армии, принял решение направить дальнейшее движение 30-й пехотной дивизии на Даркемен (Озерск), а 160-го пехотного полка на Вальтеркемен (Ольховатку).

Получив распоряжение командира корпуса, начальник 30-й пехотной дивизии генерал Колянковский в 5 часов 10 минут утра отдал приказ по дивизии № 10, согласно которому левая колонна (2-я бригада 30 дивизии и ее артиллерия) наступали по шоссе Гольдап–Даркемен, а правая (1-я бригада (полковник Новицкий)) — на Гавайтен [ныне Гаврилово] — Вильхельмсберг и далее на северо-запад³.

Отметим, что указаний относительно действий при встрече с крупными силами противника приказ начальника дивизии не содержал. Между тем события Шталлупененского боя 17 августа, а также события 19 августа (бой конницы под Каушеном и разгром 109-го пехотного полка севернее Гумбиннена) должны были научить командиров частей и соединений армии Ренненкампаффа заранее готовиться к неожиданной встрече с противником, а не заниматься импровизациями уже после оной.

Выполняя приказ своего начальника, 30-я дивизия в районе 10 часов двинулась в заданном приказом направлении на Даркемен. И тут же, около 10 часов утра, в штабе корпуса была получена телеграмма штаба армии о дневке, подписанная ещё 19 августа, но доставленная только сейчас: «Армии 6 (19) августа достигнуть главными силами линии Ушбален–Пусперн–Соденен–Гольдап–Грабовен. Завтра 7 (20) августа оставаться на занятых местах. Короткевича (начальник 40-й дивизии — Г. Б.) временно подчиняю Епанчину. Шрейдера подчиняю вам, условием его бригада должна составить заслон против Летцена; стрелков притяните вперед в направлении Грабовен, далее долиной реки Гольдап»⁴.

Дальнейшие действия характеризуют командира 4-го корпуса как воначальника. Получив эту телеграмму, генерал Алиев не стал первым делом останавливать уже двинувшиеся на Даркемен полки. Более на-

сущным вопросом для него было разобраться с переподчинением частей. Согласно телеграмме 40-я дивизия временно подчинялась 3-му корпусу Епанчина. Про неё можно было пока забыть. Взамен Алиеву отдавалась 5-я стрелковая бригада из группы Гурко. Надо было срочно подчинить себе начальника этой бригады генерала Шрейдера. Поэтому уже в 10 ч. 20 м. Алиев отдаёт приказание Шрейдеру, в соответствии с которым бригада объявляется резервом корпуса, а самому генералу Шрейдеру надлежало, оставив один полк в Гольдапе, с остальными частями бригады следовать за правой колонной 30-й дивизии⁵. Любопытно, что этим нарушалось распоряжение штаба армии: следуя за правой колонной, три полка бригады переставали быть заслоном против Летцена, зато они надёжно отрывались от Гурко.

Пока начальник 5-й стрелковой бригады получил это приказание, пока осознавал и готовился выполнять, обе колонны 30-й пехотной дивизии успели втянуться в бой с неприятелем. Подробное описание боя оставил полковник В. Ф. Новицкий, командовавший правой колонной. Новицкий отметил: «При колоннах конницы не было. Пользовались заблудившимися разведчиками армейской конницы. Разведка велась распоряжением штаба дивизии. Впереди где-то разведывала армейская конница, но даже штаб корпуса не был с ней связан»⁶. Можно сделать вывод, что фактически разведки не было. Колонны маршировали по дорогам вражеской страны, как будто по России в мирное время.

В колонне Новицкого по его словам были: 117-й пехотный Ярославский и 118-й пехотный Шуйский полки, 2-й дивизион 30-й артиллерийской бригады, 1-я гаубичная батарея и 1 взвод саперов. Новицкий выделил довольно сильный авангард под командованием полковника Рупшинского в составе двух батальонов 118-го полка, двух батарей и команды саперов. Авангард шёл в двух верстах впереди основных сил колонны. Немцы, как оказалось, внимательно наблюдали за движением русских. Около 11:30 когда головной отряд авангарда подходил к деревне Курненен [Кругловка], а голова главных сил колонны выходила из деревни Плавшкен [Плавни], со стороны Гавайтен [Гаврилово] неожиданно был открыт противником сильный артиллерийский огонь, при этом одновременно и по авангарду, и по главным силам. По авангарду был открыт также пулеметный и ружейный огонь из деревни Курненен, с гребней по сторонам деревни. Головной отряд развернулся и занял деревню, оттеснив противника, которого оказалось весьма немного.

Главные силы колонны тем временем заняли закрытые позиции на западной окраине деревни Плавишкен, к северу и югу от шоссе и остановились до выяснения обстановки. Через некоторое время выяснилось, что со стороны Гавайтена [Гаврилово] начали наступать более крупные силы противника, которые вытеснили из Курненена занявший было деревню авангард. Новицкий приказал авангарду держаться, гаубичной батарее — открыть огонь по Гавайтену, лёгким батареям — по Курненену, двум оставшимся батальонам 118-го полка — развернуться по сторонам шоссе и наступать на поддержку авангарда, двум батальонам 117-го полка — развернуться правее 118-го и также наступать, ещё двум батальонам 117-го полка — быть в резерве у кладбища на западной окраине Плавишкена. Таким образом, 6 батальонов образовали боевой фронт несколько восточнее деревни Курненен по плоскому гребню, который в 1/2 версте к северу от шоссе переходил в группу холмов с небольшой хвойной рощей, являвшейся крайним правым флангом боевого порядка. Немцы также развернули свои силы к северу от шоссе, южнее шоссе находились лишь ничтожные силы, которые без труда были задержаны небольшими силами русских, развернутыми здесь. При этом связь с левой колонной 30-й дивизии установлена не была, но стало известно, что и она ведёт бой⁷.

Ситуация с левой колонной, которую возглавил командир 2-й бригады генерал-майор Соколов, сложилась хуже. Разведка здесь также отсутствовала, а авангард (3-й батальон 119-го полка), хотя и был выделен, но маршировал всего лишь в нескольких сотнях шагов впереди главных сил колонны без надлежащих мер охранения. Не доходя до деревни Мазутшен (ныне — селение Мажуце в Польше), батальон был одновременно обстрелян артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. Командир батальона подполковник Батурин был убит; батальон, понеся большие потери, разбежался. Бросились назад и прочие батальоны 119-го полка, смяв при этом шедший за ним 120-й Серпуховский полк. Батареи в этой сумятице не могли сразу занять позиций.левой колонне ещё повезло в том, что силы немцев на тот момент были весьма незначительны, поэтому преследование и окончательный разгром левой колонны они организовать не смогли.

С большим трудом Соколову удалось выдвинуть вперед и развернуть на меридиане Вилькатшен (ныне — селение Вилькайце в Польше) 120-й Серпуховской полк, за которым заняли позиции батареи, а затем привести в порядок Коломенский полк. Значительную роль в этом сы-

грал священник 119-го полка Андрей Пашин, награждённый за это наперсным крестом на Георгиевской ленте. Во время панического бегства полка он смог верно оценить ситуацию и доказать командиру полка слабость сил противника и возможность остановить полк для организации обороны⁸. Бой продолжился...

Тем временем 160-й пехотный полк, двигавшийся по приказанию штаба корпуса на Вальтеркемен, к 12 часам достиг посёлка Киаутен (Смирново Озерского района). Здесь движение полка остановилось, поскольку стало очевидно, что рядом идёт бой, причём с двух противоположных сторон: на северо-востоке, где предположительно находилась 40-я пехотная дивизия, и на юго-западе, где была 30-я пехотная дивизия. И в российской, и в германской армиях существовало правило «идти на выстрель». Таким образом, командиру полка оставалось решить, куда направить дальнейшее движение. Поскольку район действий 30-й дивизии был существенно ближе, а сведения о ней более достоверны, то пройдя немного за Киаутен [ныне пос. Смирново], полк развернулся фронтом на запад. Бывшая при полку батарея выехала на позицию и открыла огонь по германским боевым порядкам, ведшим бой с правой колонной 30-й дивизии где-то у Гавайтен [Гаврилово]. Открытие огня и появление с этой стороны русских сил отвлекло с участка 30-й дивизии часть сил 1-го резервного корпуса, вынудив германцев загнуть фланг в направлении на северо-восток. Однако командир полка полковник Ливенцов не двинул свои батальоны в атаку и в итоге участие 160-го пех. полка в бою пока ограничивалось только артиллерийским огнем бывшей при нем батареи⁹.

Зададимся себе вопросом: что же произошло? А произошло следующее: на пути 30-й дивизии оказался германский 1-й резервный корпус генерала Белова. Входящие в его состав 1-я и 36-я резервные дивизии за ночь с 19 на 20 августа совершили переход по загроможденным беженцами дорогам в район Клещовен, Кенигсфельде и оказались как раз на полпути между Гольдапом и Даркеменом, километрах в восьми от Гольдапа. При полном отсутствии корпусной разведки генерал Алиев, естественно, даже не подозревал о появлении на пути движения его корпуса такого серьёзного противника. Командир германского корпуса между тем намеревался утром продолжать движение на северо-восток с целью, расположившись севернее Гольдапа, прикрыть фланг германского 17-го армейского корпуса. Однако штаб армии не одобрил этого решения и приказал генералу Белову оставаться на месте ввиду того, что уже имелись благоприятные известия

о ходе боя 1-го и 17-го армейских корпусов. 1-й армейский корпус успешно добивал российскую 28-ю пехотную дивизию, а 17-й армейский наступал и пока ещё не разбился о 3-й корпус генерала Н. А. Епанчина. Поэтому смысла в дальнейшем спешном продвижении вперёд 1-го резервного корпуса командование 8-й германской армии пока не видело. И он, сравнительно случайно, остался стоять как раз на пути русских колонн. При этом надо учесть, что две германские дивизии (1-я и 36-я резервные) двигались двумя параллельными колоннами.

Таким образом, русская 30-я дивизия натолкнулась на остановившуюся колонну германской 1-й резервной дивизии, голова которой была в Гавайген [ныне пос. Гаврилово]. И если у русских разведка совершенно отсутствовала, то немцы вовремя обнаружили движение противника и немедленно нанесли по нему удар теми небольшими силами, которые оказались под рукой. После этого в бой начала вступать вся 1-я резервная дивизия, поворачивая на 90 градусов вправо относительно направления ночного марша. За колонной 1-й резервной дивизии находилась колонна 36-й резервной дивизии. Она также начала разворачиваться и вступать в бой. При этом полки 36-й резервной дивизии вступали в промежутки между полками 1-й резервной дивизии. Это неизбежно приводило к трудностям в управлении. Наведение порядка потребовало некоторое время, но порядок наводился, и с каждым часом огневое воздействие немцев на российскую 30-ю дивизию нарастало.

Следует определить соотношение сил противников. У Алиева непосредственное участие в бою принимали 5 пехотных полков (20 батальонов) с 40 пулемётами, семь батарей (пятьдесят шесть 76-мм орудий) и гаубичная батарея (шесть 122-миллиметровых орудий). Стрелковая бригада из четырёх полков могла бы дать ещё 8 батальонов, 32 пулемёта и 24 орудия, но она в бою участие так и не приняла. С нею наличные силы 4-го армейского корпуса составляли 28 батальонов, 72 пулемёта, 80 лёгких и 6 тяжёлых орудий.

Германский резервный корпус имел 26 батальонов пехоты, 6 эскадронов и 72 лёгких орудия. Тяжелых орудий не было. Серьёзную проблему для немцев представляло невыгодное расположение войск в двух параллельных растянутых походных колоннах, что не позволило ввести в бой сразу все силы, а позднее затруднило управление перемешавшимися частями.

Тем временем штаб 4-го корпуса пребывал в счастливом неведении о разгорающемся бое. В 12 часов генерал Алиев запиской № 50 наконец приказал остановить наступление 30-й пехотной дивизии. Аналогич-

ные распоряжения содержались в записке начальника штаба корпуса генерала Десино за №52 от 13 часов, отправленной командиру 160-го пех. полка, которому предписывалось остановить полк у Киаутен¹⁰. Эти действия можно объяснить тем, что Алиев, убедившись в том, что 5-я стрелковая бригада ему подчиняется, наконец-то решил выполнить то самое распоряжение штаба армии о дневке, отданное на ночь глядя и полученное около 10 часов утра.

По крайней мере, именно в 13 часов Алиев подписал приказ №8 своему 4-му армейскому корпусу, в котором говорилось: «По полученным сведениям, в районе Гумбинен идёт бой между войсками 3-го корпуса и 40-й пех. дивизии с противником. Для оказания содействия нашим войскам и выхода во фланг и тыл противнику у Гумбинен назначаю 1-ю бригаду 30-й пех. дивизии и 160-й пех. Абхазский полк с состоящей при них артиллерией, под общим начальством ген.-лейт. Колянковского». Этим приказом формировались заново две наступательные колонны. Левая колонна (1-я бригада 30-й дивизии) должна была в 6 утра 21 августа выступить по шоссе на Гавайтен [ныне пос. Гаврилово], Гроблишкен, Вилькен, Гумбинен. Правая колонна (160-й пехотный Абхазский полк) должна была выступить в 7 утра 21 августа по шоссе на Киаутен [ныне пос. Смирново], Вальтеркемен [Ольховатка], Перкален, Гумбинен. 2-я бригада 30-й дивизии оставалась по приказу в Гольдапе в качестве резерва¹¹. По смыслу этого приказа корпус Алиева до утра 21 августа должен был отдыхать, несмотря на то, что в начале этого же приказа сообщалось о том, что рядом 3-й корпус уже ведёт бой с противником, и ему надо помочь.

Содержание приказа позволяет понять, что Алиев не знает о вступлении в бой частей его корпуса. Он и в 5-ю стрелковую бригаду послал распоряжение о дневке. Это распоряжение Алиева Шрейдер получил в 13 ч. 40 м.: «Командарм приказал сегодня остановить армию на линии Соденен-Гольдап-Грабовен. Вам приказал составить заслон против Летцена, посему вам надлежит с тремя полками немедленно продвинуться в Грабовен, продвинув один полк в Гольдап, так как 30 дивизия прошла уже вперед, вследствие моего предыдущего приказа. 30 дивизии приказал остановиться авангардом на линии Гавайтен — Иодсунен, но если она уже ввязалась в серьезный бой, то буду его продолжать. Возможно, что притяну и вас»¹².

Показательны слова: «...но если она уже ввязалась в серьезный бой...». Командир корпуса не знает наверняка этого обстоятельства.

Бой между тем продолжается уже третий час! Этот бой идет всего лишь в шести километрах от Гольдапа, в шести километрах от штаба корпуса. Допустим, что снаряды в Гольдап не залетали, но артиллерийскую канонаду невозможно было не слышать.

Между тем бой продолжался. После 14 часов германцы, перестроив боевые порядки своих двух дивизий, поддерживаемые артиллерийским огнём, повели активное наступление против 30-й дивизии, стали обходить правый фланг правой колонны. Батальоны 117-го полка стали отходить назад. Полковник Новицкий бросил в бой все свои резервы. Около 15 часов начальник штаба 30-й дивизии пишет записку командиру 160-го пех. полка: «Бригада 30 див. наступает на фронт Зеберг-Кудерн; окажите содействие ударом в левый фланг немцев». Отметим для себя, что наступали в действительности немцы.

Однако полковник Ливенцов приблизительно в это же время получил просьбу о поддержке и от штаба 40-й пехотной дивизии, в состав которой этот полк и входил. Таким образом, командир полка имел два взаимоисключающих распоряжения. Одно от дивизии 4-го армейского корпуса, штабу которого он был подчинен, и другое от начальника дивизии, в состав которой полк вроде бы входил. Радус-Зенкович сообщает, что дальнейшие распоряжения полковника Ливенцова позволяют предположить, что он решил не исполнять ни одного из полученных приказаний и остаться на занимаемой позиции. Однако в этом он встретил препятствие в лице полковника Виноградова, командовавшего 4-м батальоном полка, находившимся на левом, ближайшем к 30-й пех. дивизии участке позиции. Прочитав указанную полевую записку штаба 30-й пех. дивизии, случайно попавшую к нему ранее, чем к командиру полка, полковник Виноградов принял решение начать действовать, даже не имея распоряжения командира полка. В итоге 4-й батальон выступил в направлении на Гавайтен [ныне пос. Гаврилово] и завязал бой с германским заслоном, который стал подаваться назад. Таким образом, действия 4-го батальона создавали угрозу охвата фланга германцев, которые вели бой против частей 30-й дивизии. Полк. Ливенцову ничего не оставалось, как поддержать действия своего подчиненного. Однако на поддержку полк. Виноградова он выслал только один батальон, а оставшиеся пять с половиной рот с 2-мя пулеметами оставил при себе в качестве резерва¹³.

Напряжение боя нарастало. Помощь двух батальонов 160-го полка была недостаточна. В 15 ч. 45 м. генерал Колянковский донес в штаб

корпуса: «Прошу о высылке двух батальонов с пулеметами, так как к неприятелю подошло подкрепление, и, он начинает теснить мой левый фланг; в резерве у меня осталось только три роты 117 Ярославского полка».

Получив это донесение, генерал Алиев в 16 часов отдает следующее приказание начальнику 5-й стр. бригады: «Одному полку с 2 батареями двинуться немедленно на поддержку 30 дивизии, а прочие части без одного полка перевести в Гольдап»¹⁴.

До Алиева наконец дошло (было уже 16 часов дня), что 30-я дивизия ведёт бой, и бой серьёзный. Но и теперь он явно не представляет масштабы развернувшегося боя. На поддержку сражающейся 30-й дивизии он посылает только один стрелковый полк (двухбатальонного состава), который, скажем, забегая вперёд, так в бой и не вступил. Конечно, у него и просили именно два батальона. Но, следует отметить не только отсутствие у Алиева оперативного мышления, но и любопытную манеру отдавать распоряжения только после получения каких-либо внешних вводных. Пришло из штаба армии распоряжение остановиться на днёвку — дублируем его в подчиненные части, не задумываясь о реальности его выполнения. Пришло из дивизии донесение о необходимости подкрепления в количестве двух батальонов — дублируем его в виде приказа начальнику 5-й стрелковой бригады, не прилагая при этом усилий к его реальному исполнению. Алиев фактически не управлял своим корпусом во время боя. Он выполнял роль какой-то промежуточной инстанции по передаче своим подчиненным приказаний вышестоящего командования (довольно редких) и просьб о помощи от одних своих подчиненных к другим. Налицо полная неподготовленность к управлению в бою большими вооруженными массами, отсутствие оперативной мысли.

Тут же (все эти события происходили около 16 часов) в штабе корпуса была получена очередная депеша из штаба армии, в которой генерал фон Ренненкампф приказал частям генерала Алиева перейти в наступление против правого фланга неприятеля, атакующего фронт армии севернее Роминтенской пуши. Имелось в виду наступление германского 17-го корпуса против русского 3-го корпуса, определившееся ещё в 8 часов утра.

Следует обратить внимание на поразительную исполнительность Алиева в отношении приказов вышестоящего командования. Дневка — значит дневка, несмотря на то, что войска уже втянулись в жестокий

бой. Никакого самостоятельного мнения, никакой самостоятельной оценки ситуации! Наступать — значит немедленно наступать! Во исполнение нового распоряжения генерал Алиев уже в 16 ч. 05 м. приказывает начальнику 30-й пех. дивизии:

«Командующий армией приказал 30 дивизии немедленно перейти в наступление против правого фланга противника на направлении Вальтеркемена [Ольховатки]. 30 п. дивизии приказываю немедленно атаковать противника на фронте Шестокен–Булиен. Абхазский полк, находящийся севернее озера Кяутен, подчиняется вам»¹⁵.

Алиев явно не представлял, что ни о каком переходе 30-й дивизии в наступление не могло быть и речи, поскольку она была связана боем с германским 1-м резервным корпусом и под давлением противника отходила. Так, после 16 часов неприятель оттеснил правую колонну 30-й дивизии на линию Куненен, Аннаберг, Пелудшен, хотя на этой линии русские всё же закрепились. Понятно, что 30-я дивизия в сложившейся обстановке не только не могла оказать какую-либо помощь 3-му армейскому корпусу, но и напротив сама нуждалась в поддержке, чтобы хотя бы удержать свои позиции.

Показательно, что 5-я стрелковая бригада не торопилась выполнять отданное в 16 часов распоряжение Алиева о выделении одного полка в помощь 30-й дивизии. При этом начальник стрелковой бригады явно рассматривал своё подчинение Алиеву временным явлением, поэтому связь с генералом Гурко не прерывал. Так, в 18 часов генерал Шрейдер извещал генерала Гурко о положении 5-й стр. бригады: «3 полка с 3 батареями передвинуты в Гольдап, где будет ночевать и штаб бригады. 19 полк с одной батареей остается в Гр. Вронкене. Предполагается этот полк двинуть в западном направлении». Таким образом, получив в 16 часов приказание двинуть один стрелковый полк на помощь 30-й дивизии, в 18 часов он только предполагает это сделать!

Очевидно, что своим реальным начальником Шрейдер продолжал считать Гурко, а не Алиева. Можно ли удивляться тому, что только в 23:30 генерал Колянковский доложил Алиеву, что «подошел 17-й стрелковый полк, который за темнотой в наступление не перешел, ночует в д. Думбельн». Таким образом, 5-я стрелковая бригада Алиеву формально подчинилась, но участие в бое фактически саботировала.

В 19 ч. 30 м. ген. Алиев телеграфировал в штаб армии: «На фронте Плавишкен–Шлауген неприятель напирает, посылаю подкрепление стрелковый полк и 2 батареи». Фактически это была ситуация, сложив-

шаяся на 16 часов, когда он отдал приказание 5-й стрелковой бригаде направить один полк на поддержку 30-й дивизии. Прошло три с половиной часа, а Алиев всё посылает это подкрепление!

Приближался вечер, и около 20 часов германцы прекратили артиллерийский огонь. С наступлением темноты бой затих сам собою. Стороны заночевали на своих позициях, несколько отойдя назад. Это отметил в своём донесении командир подошедшего наконец-то 17-го стрелкового полка:

«Противник на фронте Плавишкен, Юргайчен и Сцеобен. Более чем на версту в полном отступлении. В 8 часов стихла наша канонада. Немецкая раньше. Находясь впереди Думбельн, отсюда вижу пыль трёх колонн, не считая мелких частей, отходящих на север и северо-запад. Правее меня Шуйский и Ярославский полки продвинулись вперед. Остаюсь на ночлег у д. Думбельн восточнее озера. 119-й полк идёт на ночлег к Юргайчен, туда же идёт и часть 120-го полка»¹⁶. Отход на ночлег немецких частей явившийся к шапочному разбору Корф принял за их полное отступление. При этом он отметил, что полки левой колонны (119-й и 120-й) на ночлег двинулись к Юргайчен, т. е. за позиции полков правой колонны. Видимо, так было надёжнее, на ночь глядя. Судя по содержанию донесения, на боевой позиции осталась лишь часть 120-го полка. 117-й и 118-й полки были оставлены Новицким на своих позициях к востоку от Курненен, все остальные как бы укрывались за ними.

160-й пехотный Абхазский полк с наступлением темноты был также отведен полковником Ливенцевым с позиций на бивуак в Киаутен (Смирново). О действиях полка 20 августа он донес в штаб 4-го армейского корпуса следующее:

«Начальнику штаба 4-го арм. корпуса

№ 14 из бивака Киаутен.

Предписанная мне атака в начале была удачна; но затем атакующие роты нарвались на подготовленную позицию и, обстрелянные ружейным, пулеметным и орудийным огнем, понесли большие потери. Ввиду невозможности их поддержать, а также оторванности от 30-й и 40-й дивизий, решил остаться у местечка Киаутен, осадив артиллерию и правый фланг.

Полковник Ливенцев»¹⁷.

Полковник Новицкий оценивает потери своей колонны в 60 офицеров и 3000 нижних чинов¹⁸. Потери левой колонны ему были не-

известны. По архивным данным, 119-й полк потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 800 человек. Погибли офицеры полка: подполковник Батурин, капитаны Чернецов, Демьянов, штабс-капитан Кржижевский, подпоручик Мнухин...¹⁹ Нелипович в работе «Восточно-Прусская операция» утверждает, что 30-я дивизия потеряла в бою 4014 человек и 6 пулемётов, 5-я стрелковая бригада — 15 убитых, 101 раненого и 7 пропавших без вести. Из других источников известно, что 160-й полк за весь день потерял убитыми и ранеными всего лишь 3 офицеров и 83 нижних чина²⁰. В целом получается, что 4-й армейский корпус потерял за день сражения 4223 человека.

Отметим, что по сравнению с другими полками, участвовавшими в Гумбинен-Гольдапском сражении, потери 160-го полка невелики. Он свидетельствует о слабом участии полка в бою. Полк мог бы сыграть важную роль в сражении, оказавшись в чрезвычайно выгодном исходном положении. Он мог ударить во фланг и тыл частям германского 17-го корпуса, атакующего 40-ю дивизию. Он мог ударить во фланг частям германского 1-го резервного корпуса, атакующего 30-ю дивизию. Но он не сделал ни того, ни другого. Командир полка не смог взять на себя ответственность на принятие самостоятельного решения. В этом виновата отчасти двойственность подчинения, в которую он был поставлен распоряжением командования. Отчасти виною можно назвать практическое отсутствие руководства боем со стороны командира 4-го армейского корпуса генерала Э. Алиева. Чем ещё можно объяснить полное отсутствие взаимодействия в течение всего дня между двумя колоннами 30-й дивизии, как не отсутствием руководства со стороны начальника дивизии и командира корпуса?

Артиллерийские снаряды, пулемётные и ружейные патроны были 30-й дивизией почти израсходованы. Колянковский докладывал Алиеву, что осталось только три ящика артиллерийских снарядов. В 10 часов вечера 20 августа Алиев подписал текст радиограммы в штаб армии (для доставки отправлена в 3 часа ночи 21 августа): «На 30-ю дивизию обрушилась значительная сила с севера и северо-запада и под вечер дивизия израсходовала все резервы. Подкреплена двумя полками стрелков. Пока держимся... Подвоз огнестрельных припасов ввиду дальности от Сувалки крайне затруднителен»²¹. Отметим для себя, что дивизия была подкреплена не двумя, а одним стрелковым полком. К докладам Алиева в штаб армии приходится относиться критично. Позднее Алиев получил донесение командира 5-й стрелковой бригады Шрейдера, от-

правленное в 10:40 вечера. В нём Шрейдер процитировал вышеприведенное донесение Корфа, из которого Алиев смог для себя выделить фразу: «Находясь впереди Думбельн, отсюда вижу пыль трёх колонн, не считая мелких частей, отходящих на север и северо-запад»²².

В 11:30 вечера донесение в штаб корпуса направил и Колянковский: «Бой был страшно кровопролитный. Потери в офицерах очень велики, особенно в штаб-офицерах; в нижних чинах — значительны». Цифры потерь ещё не были известны. С полками левой колонны начальник дивизии связи не имел, но отмечал: «Настроение и дух вверенных мне частей отличные. Прошу разрешения вашего о представлении к наградам отличившихся офицеров и нижних чинов... Необходимо пополнить головной парк арт. снарядами. Осталось только три ящика. Ружейных патронов мало»²³.

Эти донесения изменили настроение Алиева к лучшему. Очевидно, что на основании слов Корфа в 3 часа 37 минут утра 21 августа последовало новое донесение Алиева командующему армией за № 24, в котором говорилось: «Противник отбит, с наступлением темноты немцы начали отступать на север и северо-запад. Приказал перейти к преследованию на рассвете всеми силами. Бой был кровопролитный, потери не выяснены. Необходимо организовать спешно подвоз из Сувалки 11000 артиллерийских патронов на грузовиках»²⁴.

Реальной ситуации он не знал. Около 16 часов 20 минут германская 3-я резервная дивизия генерала Моргена получила приказание командующего 8-й германской армией генерала Притвица наступать в направлении на Клецовен и атаковать русских с тыла. Совершив марш, дивизия вышла к вечеру 20 августа в район Рогале и развернулась восточнее этого пункта, заняв выгодное положение для удара во фланг и тыл русским. При этом её прибытие русские вообще не заметили! Однако из-за утомления войск и наступающих сумерек генерал Морген отложил начало атаки на утро 21 августа. У немцев были хорошие шансы разгромить 21 августа и русскую 30-ю пехотную дивизию, и весь 4-й армейский корпус Алиева. Но при очень выгодной ситуации для продолжения боя против русского 4-го армейского корпуса, германские войска получили приказ командующего своей армией генерала Притвица на отход.

В общем, исход столкновения в районе Гольдапа признаётся всеми исследователями нерешенным. Подразумевается, что победитель должен был определиться на второй день сражения. При этом командир германского 1-го рез. корпуса ген. Белов донес командованию своей армии, что «...победоносно провел бой с превосходными силами (про-

тивника), во всяком случае с гораздо более сильной артиллерией...». О своей победе заявил в своём донесении в штаб армии и Алиев.

В ходе боя 20 августа корпус и входящие в его состав дивизии получали противоречивые и порою не отвечающие объективной обстановке приказы, что не позволило их выполнить, но, несмотря на это 30-я дивизия, несколько отойдя, удержала позиции. Отметим, что перед 1-м германским резервным корпусом не ставилась задача именно разгрома русских войск. Он должен был всего лишь прикрыть от возможного удара со стороны Гольдапа наступающий германский 17-й армейский корпус. И эту задачу 1-й резервный корпус выполнил вполне успешно. Возможность при поддержке 3-й резервной дивизии разгромить русских на следующий день была упущена..

На фоне разгрома 28-й пехотной дивизии донесение Алиева об отходе противника обрадовало командующего армией. В 12 часов 08 минут 21 августа Ренненкампф подписал следующий документ: «Вчера упорные атаки немцев отбиты по всему фронту. Успех особенно приписываю стойкости 3-го корпуса, переходу в наступление 30-й дивизии и стрелков. Благодарю Епанчина за проявленное упорство, ген. Алиева за энергичные действия...»²⁵ Да, многое зависело от содержания докладов командованию и личных отношений. В реальности, обнаружив на рассвете 21 августа исчезновение немцев, только в 16 часов 30-я дивизия оказалась способной начать медленное движение вперед.

Примечания

¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1939. С. 491.

² В статье даты приводятся по новому стилю (за исключением специально обозначенных).

³ Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 205 (документ № 204).

⁴ Там же. С. 191 (документ № 163).

⁵ Редус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. М. 1920. С. 89.

⁶ Вацетис И. И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч. 1. Восточно-Прусская операция. М-Л. 1929. С. 122–124.

⁷ Там же.

⁸ Гуськов А. 119-й пехотный Коломенский полк в Великой войне. Доброволец. 2004. № 2. С. 20–21.

⁹ Редус-Зенкович Л. А. Указ. соч. С. 81.

- ¹⁰ Редус-Зенкович Л. А. Указ. соч. С. 84.
- ¹¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 205–206 (документ №205).
- ¹² Редус-Зенкович Л. А. Указ. соч. С. 89.
- ¹³ Там же С. 81–82.
- ¹⁴ Там же С. 89.
- ¹⁵ Там же С. 85.
- ¹⁶ Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 209 (документ №213).
- ¹⁷ Там же С. 208 (документ №211).
- ¹⁸ Вацетис И. И. Указ. соч. С. 122–124.
- ¹⁹ Гуськов А. Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ Редус-Зенкович Л. А. Указ. соч. С. 82.
- ²¹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов... С. 207 (документ №209).
- ²² Там же. С. 209 (документ №213).
- ²³ Там же. С. 207 (документ №208).
- ²⁴ Там же С. 208 (документ №210).
- ²⁵ Там же. С. 202 (документ №197).